

имѣть смиренномудрія, тотъ можно сказать, по свидѣтельству отцовъ—учителей аскетики, и не начиналъ еще духовной жизни. Толстой въ исканіи правды Божіей никогда не имѣлъ этой добродѣтели. Напротивъ, еще въ 1855 году онъ возмнилъ о себѣ, какъ о проповѣдникѣ *новой* религіи. Въ дневникѣ его подъ этой датой читаемъ, что онъ чувствовалъ себя чуть-ли не пророкомъ, способнымъ посвятить себя осуществленію мысли—основать *новую* религію, соотвѣтствующую, по его словамъ, развитію человѣчества, религію Христа, но очищенную отъ вѣры и таинственности, религію практической, необѣщающей блаженства будущей жизни, которую онъ отрицалъ, хотя и говорилъ о безсмертіи души, понимая это безсмертіе въ пантеистическомъ смыслѣ, но дающей блаженство здѣсь на землѣ. «Дѣйствовать къ соединенію людей религіей разумѣнія жизни, вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня». Эти выдержки изъ дневника Толстого, взяты мною изъ «Историческаго Вѣстника» за 1908 г., гдѣ помѣщена была біографія его. Такъ вотъ видите, какая гордая мысль обуряла Толстого,—быть основателемъ новой религіи, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи разумѣнія жизни которая-бы объединила всѣхъ людей, все человѣчество! И ему, вѣроятно, предносилась мысль, что имя его поставятъ выше имени Христа... И вотъ онъ, дѣйствительно, увлекаая идеей проповѣдника-космополита, проповѣдника нравственности и добра, но добра безъ Богочеловѣка Христа, и это проповѣдуемое имъ добро, вмѣсто объединенія человѣчества идеей добра, ведетъ въ сущности, какъ увидимъ далѣе, къ анархіи и разрушенію. Какъ все это напоминаетъ опять послѣдняго антихриста, который, по слову Божію и церковному преданію, будетъ требовать себѣ божескихъ почестей, объявитъ себя благодѣтелемъ всего человѣчества, будетъ говорить громкія и высокія слова о какой-то всемірно-объединяющей религіи міроваго разума и наброситъ блестящій покровъ добра и правды на тайну крайняго беззаконія, въ пору ея конечнаго проявленія